

из Б-ки
Р. М. Лазарчук

Р. М. ЛАЗАРЧУК

М. Н. МУРАВЬЕВ-КРИТИК

(по материалам переписки поэта)

Исследователей, занимающихся проблемой соотношения эпистолярной практики и художественного творчества писателя, чаще всего интересуется повторение поэтических образов и стилистических рисунков, сходство мотивов и ситуаций, тематическая переключка.

Однако связь переписки и литературы не ограничивается областью автореминисценций. В конце XVIII — начале XIX вв., в эпоху разрушения высокой одической поэзии и кризисного состояния прозы, дружеское письмо с задворок литературной жизни, из быта, «поднимается в самый центр литературы» [1; 21]. Опережая развитие прозы, письмо становится ее опорой: оно подготавливает появление новых жанровых форм. Так, в переписке М. Н. Муравьева «предсказана» его проза «Обитатель предместия» и «Эмилиевы письма» [2]. «Письма Карамзина к Петрову обогнают его же опыты в ... прозе и приводят к «Письмам русского путешественника», где путевое письмо стало жанром» [1; 21] а «...пушкинский роман в письмах в эмбрионе написан был задолго до того в реальных, бытовых письмах Пушкина» [3].

Наконец, в дружеском письме к концу XVIII — началу XIX вв. отчетливо намечаются выходы и в смежные с литературой ряды: историю, публицистику, критику.

В переписке М. Н. Муравьева¹ была найдена та новая жанровая форма письма театральной рецензии, которая предвосхитила появившиеся полтора десятилетия спустя театрально-критические статьи Н. М. Карамзина в «Московском журнале».

Обратимся к конкретному примеру: письму М. Н. Муравьева к Д. И. Хвостову от 8 октября 1779 г.²

1779 год Октября 8 дня С. Петерб.

Милостивый государь мой, Дмитрий Иванович!

Имею честь вас от всего моего сердца поздравить с представлением и успехом Легковерного. Прошедшую пятницу, то есть 4 числа, был он дан публике. Множество любопытных съехалось по разнесшемуся слуху новой комедии. Собрание, как знатных, так и любителей театра, было из многочисленнейших. Вы поймете наперед мое старание достать себе выгодное место. Государыня изволила прибыть с маленьким князем Александром Павловичем. Их высочества были на охоте в Сарском селе с князем Виртембергским. В лице государыни видно было особое внимание. С первого явления некоторые черты из характера Легковерного извлекли ее удовольствие и улыбку. Простосердов, которого играл Попов, принес с выступлением своим на сцену беспрепятственный смех.

¹ Примечания здесь и далее даны в конце каждой статьи (ред.).

Вы можете ласкаться, что в начертании его вы попали на истинный образ Молиеров. Перед представлением вашей комедии была дана французская драма «Les deux amis», где чувствования, эпизоды и великодушные были исчерпаны. Сия пьеса не заставила нас ни плакать, ни смеяться. Но я уверяю, что ваша заставила хохотать от доброго сердца ваших зрителей. И некоторые возле меня бывшие не медлили заключить, что вы имеете дар комический, que vous avez du genie. Я всегда думал, что дружба позволяет рассказывать похвалы слышанные; так это вина разума, а не сердца, которое я стараюсь иметь сколько можно лучшее. Сплетнева играл Соколов и был аплодирован. Старинное платье, лицемерной голос и ужимки, некоторой вид провинциальной во всей особе и вертлявость составляют игру его. Шумской представлял стряпчего d'après nature. Русский серонемецкий кафтан, как носят в старинных домах лучшие служители: длинные виски, волосы более приглажены, нежели убраны, без пудры. Поступь приказная, с рабскою смешанная. Наконец, разговор, который вы ему дали, употреблен с совершенным искусством. Все прочие актеры играли удачно. Государыня не переставала ни на малое время заниматься пьесою и разговаривать об ней с Васильем Ильичем с изъявлением удовольствия. Другие знатные окружающие государыни вмешивали свои примечания. Князь Григ. Александрович был тут. Что касается до меня, я радовался сердечно и вам завидовал. После пьесы вашей следовал балет: Фламандский праздник и комедия в одном действии, которая называется, я думаю, Взаимный опыт. Ежели я услышу какие-нибудь рассуждения знатоков, достойных примечания о Легковерном, я сообщу их вам, ежели вы потребуете. Публика, которая все знает, захочет теперь вас более знать. Вы ее должник. Ежели одобрение приятелей ваших вам надобны, примите мое и старайтесь меня любить из благодарности; а я вас право люблю и почитаю

я имею честь пребывать навсегда Ваш покорный слуга
Михайло Муравьев.

Исполните долг мой, когда будете в Москве и донесите мое нижайшее почтение его превосходительству Михайле Матвеевичу. Чувствования, которые я к нему имею, суть для меня священны.

Письмо ценно прежде всего как историко-литературный факт, воссоздающий некоторые детали летописи русского театра. Это почти единственный источник, зафиксировавший не только первую постановку пьесы Д. И. Хвостова, но и самое существование «Легковерного»³. Но письмо интересно и само по себе.

В центре внимания Муравьева не столько сама пьеса, сколько ее сценическое воплощение. Начатое вяло и сухо, с обязательных, возможно не совсем искренних, поздравлений и комплиментов⁴, с описания собрания и поведения государыни, письмо оживает, как только начинает говорить сам Муравьев — зритель и критик.

Б. Н. Асеев, автор нескольких работ по истории русского драматического театра, считает «новым и ценным качеством статей Карамзина... конкретность описания игры актеров. До Карамзина в русской театральной критике описательный момент почти отсутствовал и заменялся общей оценкой игры актера» [7; 399]. Но за 12 лет до того, как в статье «Эмилия Галотти» Карамзин описал прекрасную игру Померанцева — Одоардо и Марии Синявской — графини Орсины, Муравьев в частном письме к Хвостову оставил столь великолепные, скульптурно зримые образы Соколова-Сплетнева и Я. Шумского-стряпчего, что заставил усомниться: что же это — дружеское письмо или театральная рецензия? Предшествовала ли появлению этой записи какая-то черновая работа,

мы не знаем. Несомненно одно: перед поэтом стояла литературная задача.

Обычное дружеское письмо Муравьева не отличается ни строгостью плана, ни продуманностью композиции. Напротив, вся его прелесть в том, что своими вопросами, намеками, недомолвками, внезапными переходами от одной темы к другой, возвращением к старой теме и самым соседством поэзии и прозы жизни, оно создает иллюзию живого разговора, беседы. Письмо к Хвостову — редкий случай строгого отбора материала. Оно удивительно «однотемно». Это подчеркнуто и графически. Единственный факт, не имеющий непосредственного отношения к «теме» письма («Исполните мой долг...»), отнесен автором в постскриптум, кстати, довольно редкий в переписке Муравьева.

Наконец, сравнение «Легковерного» с французской драмой «Les deux amis», пусть еще довольно поверхностное, попытка рассмотреть характер Простосердова в связи с традициями западноевропейской драматургии («... в начертании его вы попали на истинный образ Молиеров») позволяют видеть в частном письме к Хвостову едва ли не первый образец оригинального типа театрально-критической статьи: письмо-театральную рецензию.

Осенью того же года Муравьев вновь обращается к постановке пьесы Хвостова, теперь уже в жанре дружеского послания «Успех твой первый возвещая...» Но собственно «Легковерному» посвящена лишь первая часть стихотворения. Параллелей с упомянутым письмом к Хвостову совсем немного: сохранились лишь поздравления и комплименты:

Успех твой первый возвещая,
Питомец Талии Хвостов,
Меж тем как ты далек от края
Прекрасных неских берегов,
Среди семьи, в Москве пространной,
Готовишь, может быть, другой,—
Жалею, что в сей день желанный
Не зрел ты труд увенчан свой.
С какой бы радостью безмерной
Ты слышал плески знатоков... [5; стр. 182—183].

Исчезло великолепное описание игры актеров и их костюмов, сравнение с французской драмой «Les deux amis», замечание о сходстве характера Простосердова с героями Мольера,— словом, все то, что давало основания видеть в частном письме Муравьева одну из форм театральной критики.

В дальнейшем оказывается, что пьеса Хвостова всего лишь повод для большого и серьезного разговора о русском театре. Выросшие рядом с «Легковерным» имена Фонвизина («У нас теперь один Фонвизин, Который солью острых слов И меткой силой укоризен Срывает маску с шалунов»), Княжнина, Дмитриевского («Театра русского Ле Кень»⁵⁾) собственная программа Муравьева, идущего вслед за создателем любовно-психологической комедии Мариво:

А я любил бы чрезвычайно,
Когда бы дар позволил мой,
Входить в сердца, хранящи тайны,
Быть зрителем минуты той,
Как склонность первая зачнется
Во всей невинности детей
И сердце юное проснется... [5, стр. 183]—

все это неизбежно вступает в сравнение с пьесой Хвостова. Значимость «Легковерного» и даже самый успех его постановки невольно ставятся под сомнение.

Итак, две «вариации» на одну и ту же тему: письмо и послание, в чем-то перекликаясь, дополняют друг друга. Первоначально (в письме-театральной рецензии) пьеса Хвостова предстает повернутой только одной своей гранью: Муравьева интересует ее жизнь на сцене. Умолчание о содержании пьесы вполне понятно и объяснимо⁶.

В послании «Успех твой первый возвещая...» комедия рассматривается уже преимущественно со стороны содержания — но опять при полном умолчании о конкретном содержании пьесы. И теперь это умолчание воспринимается как прием, как средство подчеркивания незначительности комедии⁷.

Другие образцы письма — театральной рецензии (сестре 8 февраля) 1778 г. о постановке «Дидоны» Я. Б. Княжнина; отцу от 17 августа 1777 г. о представлении «Американца» Кумберланда и др.) не были⁸ переложены в стихи и не вошли в прозу писателя, но влияние их несомненно сказалось и в собственной практике Муравьева, и в последующем литературном развитии.

Появление в 1790-ые г. театрально-критической статьи Карамзина было воспринято и осознано как факт глубоко новаторский. Но «создание новых художественных форм есть акт не изобретения, а открытия, потому что формы эти скрыто существуют в формах предшествующих периодов» [8; 12]. В письме-рецензии Муравьева намечены «анализ драматического сочинения с характеристикой действующих лиц» (см. письмо отцу от 17 августа 1777 г. о представлении «Американца» Кумберланда), «конкретность описания игры актеров», повышенное внимание к человеческому характеру и др. моменты, которые в театроведении обычно связывают только с Карамзиным [9]. В какой-то мере общей была и эстетическая позиция обоих критиков [10], как антиклассицистическая, прежде всего.

Все это, на наш взгляд, позволяет видеть в письме — театральной рецензии Муравьева — ближайшую параллель к театрально-критическим статьям Карамзина.

Нередко суждения о прочитанных книгах и по характеру высказывания, и по форме приобретают значение наброска рецензии: «Сочинение Мармонтелево (роман «Инки» — Р. Л.) имеет предметом своим разорение сего царства испанцами под предводительством Пизара. Главные черты почерпнуты в истории: подробности Мармонтелевы. Он хотел представить картину, драгоценную человечеству, всех бедствий, которые за собой ведет святобесие, так переводит fanatisme г. Тредьяковский. Оно имеет нечто от епического и исторического. Прекрасно ли оно? Читай. И ты будешь восхищаться и будешь любить Мармонтеля более, нежели ты любишь. Везде увидишь тихого человеколюбивого мудреца, природу познавшего по малейшим ее знакам, выражающего ее столь истинно и нежно, заставляющего любить ее и раскрыть внимательно глаза. Слог чистоты, красоты... Довольно, сама читай»⁸.

Интересно, что первый «критический отзыв» об «Инках» появился в русской печати только через два года после выхода книги⁹. Предлагая своим читателям новый роман Мармонтеля, «Санктпетербургский вестник» ограничивается лишь указанием на достоинства перевода: «Мы, согласив сей перевод с подлинником его, без лести скажем, что он многим господам переводчикам в образец служить может; из него могут они научиться правильному выражению мыслей сочинителя, плавности и ясности российского слога, пленяющего читателей; — для опыта сего мы сообщаем гимн инков и перуанского народа, петый в честь солнцу» [11; 134].

В наброске рецензии Муравьева — глубокое постижение смысла ро-

мана и личности его творца, тонкие наблюдения («Главные черты очерпнуты в истории: подробности Мармонтелевы») и непосредственность впечатлений; отзыв «Санктпетербургского вестника» — скучный комплимент, составленный из общих фраз и выражений.

И дело, разумеется, не только в степени талантливости обоих критиков. Как известно, большинство «критических известий о напечатанных вновь сочинениях» [11; 56] в журналах 1770—80-х гг. носило преимущественно информационный характер и не шло дальше передачи сюжета или выписок из текста для иллюстрации «слога».

Иногда значение критического отзыва приобретает и просто бытовая информация: «Третьего дни обедал я у г. Карина, где также обедал и Николев Московской bel' esprit, приехавший сюда за тяжбою об новой трагедией и комедией, с двумя худыми стряпчими»¹⁰, и шутливая запись, где угадывается непосредственная реакция современника на нашумевшие авантурные романы: «Может быть, недолго продолжится наша переписка и роман окончится приездом Героя в Тверь затем, что описание станций, ямов и ямщиков не столь блестящи, как переезд из Карфагена в Сицилию, и что промеж Тверью и Новгорода не разъезжают корсары, чтоб утащить в Алжир, для наполнения поветию второго на десять тома»¹¹.

Таким образом, в переписке проступают новые, неизвестные грани дарования писателя как театрального и литературного критика.

¹ О письмах Муравьева как явлении литературы см. работы (4; 39—41; 5; 28—29; 6; 201—202)

² Рукописное отделение Института русской литературы (Пушкинского дома). Архив Д. И. Хвостова, Ф. 322, № 59 (в дальнейшем — ИРЛИ)

³ Сведения о «Легковерном» крайне разноречивы. В «Био-и библиографических замечаниях: граф Д. И. Хвостов» («Улей», 1811, № 2, стр. 115) читаем: «Легковерный», прозаическая/ в 3 д/ействиях, представленная в 1777 г. на придворном театре в присутствии императрицы Екатерины II... потом переделана в 5 д.». Эту же дату, вероятно, на основании свидетельства «Улья» называет и Б. Л. Модзалевский в «Русском биографическом словаре». Он же говорит об отдельном издании комедии 1777 г. («Русский биографический словарь». СПб., 1901, т. 22, стр. 297). Во всех остальных источниках, в том числе таких авторитетных, как «Опыт российской библиографии» Сопикова, «Указатель к русским современным изданиям и сборникам за 1703—1802 г...» А. Н. Неустроева, «Сводный каталог русской книги XVIII в.», «Летопись русского театра» П. Арапова, «Драматический словарь...», «Библиографический и хронологический указатель материалов по истории театра в России в XVII и XVIII вв.» В. Всеволодского-Гернгросса и др., эта пьеса Хвостова вообще не упоминается.

Но, быть может, прав составитель библиографии, а Муравьев ошибался, думая, что присутствует на первом представлении комедии, и 4 октября 1779 г. она шла уже во второй редакции (тем более, что знакомство поэта с Хвостовым относится к 1778 г.)?

Это исключено. Муравьев был посредником между автором комедии и театром, точнее И. А. Дмитриевским. Начиная с 11 июля 1779 г. (здесь впервые встречается упоминание о «Легковерном»), он систематически, буквально в каждом письме, уведомляет Хвостова о ходе работы театра над пьесой. (Создается даже впечатление, что переписка держится исключительно на «Легковерном»). Наконец, в письме от 19 ноября 1779 г. Муравьев предлагает напечатать комедию в типографии Н. И. Новикова: «Мне впадо припомнить вам, не способнее ли вам будет печатать Легковерного в Московской типографии...» В списке книг, изданных Н. И. Новиковым (см. «Новиковские издания и книги, напечатанные в типографии Н. И. Новикова». М., 1894; В. П. Семенников. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова... Пг., 1921), эта пьеса Хвостова не значится.

Перед нами, таким образом, парадоксальный факт, когда свидетельство современника «поправляет» память автора (как известно, Хвостов был постоянным сотрудником «Улья», фактическим издателем его и, конечно, не мог не знать о готовящейся био-библиографической заметке о нем): первое представление «Легковерного» состоялось 4 октября 1779 г. (это подтверждается и косвенными свидетельствами «Камерфурьерского церемониального журнала 1779 г.»).

Недатированная рукопись «Легковерного» (в двух редакциях) хранится в Рукописном отделении Института русской литературы.—Архив Хвостова Д. И., фонд 322, № 6.

⁴ В письме к сестре Муравьев сдержанно говорит, что комедия «заслуживает внимания как первое произведение начинающего автора».—Л. И. Кулакова, М. Н. Муравьев. Стихотворения. Примечания, стр. 341—342. (Впрочем, почти все комплименты принадлежат не самому Муравьеву. Он только «рассказывает похвалы слышанные»). В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте, в скобках указываются страницы.

⁵ Возможно, послание к Д. И. Хвостову имело и еще один источник — письмо Муравьева от 8 февраля 1778 г. (приписка сестре): «Я был вчера на представлении «Дидоны» Я. Б. Княжнина...» (см. Я. Б. Княжнин. Избранные произведения. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Л. И. Кулаковой «Сов. писатель», Л., 1961, с. 724). Восторженные впечатления от игры, голоса великого актера («...какой голос, как он гибок в его гортани...»), вероятно, подсказали поэту чрезвычайно лапидарную оценку новой манеры декламаций, введенной Дмитриевским:

...Дмитревский знает разговор
Придать приличный свет и тень.

«У нас нет достаточных данных, чтобы во всех деталях представить чтение Дмитриевского»,— пишет Б. Н. Асеев («Русский драматический театр XVII—XVIII веков», стр. 348). Говоря об «основных чертах его декламации», историки театра принуждены сослаться на более поздние свидетельства Ф. Кони, С. Т. Аксакова и др. В этой связи трудно переоценить значение двух откликов Муравьева о сценической декламации Дмитриевского, как наиболее ранних по времени.

⁶ См. письмо к сестре 1778 г. (без даты): «На нынешней неделе читал мне г. Хвостов свою комедию «Легковерного» и я хотел ее слушать, как почитатель писем». Вероятно, мнение о комедии, замечания поэта были высказаны им тогда же.

В 1949 г. письма Муравьева 1777—78 гг. были подготовлены к изданию Л. И. Кулаковой. К сожалению, эти ценнейшие материалы по истории литературы, театра, быта XVIII в. до сих пор остаются неопубликованными. Пользуясь случаем, приношу искреннюю благодарность Л. И. Кулаковой, познакомившей меня со своей рукописью. В дальнейшем все цитаты из писем Муравьева 1777—78 гг. даются по рукописи.

⁷ Ср. отзыв о «Легковерном» в том же письме к сестре: «...и как первое произведение очень молодого человека достойна примечания».

⁸ Письмо от 18 января 1778 г.

⁹ Ирки или Разрушение Перуанской империи. Сочинения г. Мармонтеля, историкографа и члена Французкой академии. Перевела М. Сушкова, ч. 1—2. М., тип. Импл. Моск. ун-та, 1778.

¹⁰ ИРЛИ, письмо отцу от 12 апреля 1781 г., приписка сестре.

¹¹ Письмо отцу от 30 ноября 1777 г., приписка сестре. Возможно, это был намек на «пухлые» романы Ф. Эмина. Сохранились свидетельства, что Муравьев читал «Еминову историю» [12: 18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. Тынянов. Литературный факт. В кн.: Архаисты и новаторы. «Прибой», Л., 1929.
2. Л. И. Кулакова. М. Н. Муравьев. Ученые записки ЛГУ, Л., 1939, вып. 4. (№ 47).
3. Г. Винокур. Пушкин-прозаик. В кн. Культура языка, изд. 2, «Федерация», М., 1929.
4. Л. И. Кулакова. М. Н. Муравьев. «Ученые записки» ЛГУ, Л., 1939, вып. 4. (№ 47).
5. Поэзия М. Н. Муравьева. В кн.: М. Н. Муравьев. Стихотворения «Сов. писатель», Л., 1967.
6. Очерки истории русской эстетической мысли. «Просвещение», Л., 1968.
7. Б. Н. Асеев. Русский драматический театр XVII—XVIII вв. «Искусство», М., 1958.
8. Б. М. Эйхенбаум. Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924.
9. И. А. Кряжмская. Театрально-критические статьи Карамзина. В кн. XVIII век. Сб. 3 Изд. АН СССР, М.-Л., 1958.
10. Л. И. Кулакова. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII в. «Просвещение», Л., 1968, гл. IV. Русский сентиментализм и его противники.
11. «Санктпетербургский вестник», ч. V, 1870.

Карагандинский педагогический институт